Рэндалл Коллинз

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ: ВЫХОДЫ И ТУПИКИ¹

Современный мировой экономический кризис должен напомнить нам о Марксе. Это разумное приглашение, а не призыв к мобилизации старых партийных организаций. Марксизм как политическая система имел свои сильные и слабые стороны, и я не предлагаю возвращаться в эпоху идеологических битв и партийной борьбы. Я привожу марксизм не как практику, а как рациональный инструмент, который сейчас так нужен нам, социологам.

Я не делаю заявлений об истинности или аутентичности урока, который я извлек из Маркса. Сегодня, если социология и верит во что-то, то это множество процессов, множество причин и множество парадигм, которые могут быть использованы для взаимодействия с теми аспектами окружающего мира, которые мы избрали. В социологии Вебер во многом одержал победу над Марксом, и сейчас все мы тоже говорим об интерпретации понятий «класс», «политика», «культура» и «пол». Тем не менее есть аспекты, в которых ключевые особенности долгосрочных структурных изменений стоят под вопросом — и прежде всего, это вопрос о структурном кризисе. Тут, несмотря на наше знание многих дисциплин и прославление интеллектуального разнообразия, мы имеем тот случай, когда, как мне кажется, одна из теорий на голову выше других в том, что касается кризисных механизмов и направления долгосрочных структурных изменений. Теория, которую я преподнесу, — это сокращенная версия марксизма, фундаментальный вывод, который Маркс и Энгельс сформулировали уже в 1840-х. Главный механизм, который я буду называть технологическим сдвигом.

Это действительно сокращенный марксизм. Никакой трудовой теории стоимости, никаких упоминаний об отчуждении средств производства от рабочей силы, никакого отстранения от животного существования. Здесь нет никаких онтологических притязаний и не утверждается, что наступит какое-ли-

1. Выступление на пленуме по случаю 100-й годовщины Sociological Review Conference, Billesley Manor, Соединенное Королевство, июнь 2009 г.

бо глубокое очищение как результат кризиса. Я сократил марксизм до теории о долгосрочном экономическом кризисе; мы используем другие направления социологии для изучения того, что происходит как реакция на кризис и возникает после него в обществе и политике. Более того, это не теория о завоевании государства как следствии экономического кризиса и не сама по себе теория о революции, хотя в конце я расскажу о причинах и об уроках революции, которые извлекли социологи. И хотя в теории и подразумевается наступление социалистического будущего, это не теория социализма и она не рассказывает о том, что нужно делать, чтобы в будущем социализм функционировал лучше, чем раньше. Нет, это прежде всего теория кризиса.

Технологический сдвиг — это механизм, посредством которого инновации в области организации и технического оборудования сокращают трудозатраты, таким образом позволяя меньшему количеству наемных рабочих производить больше с меньшими затратами. Маркс и Энгельс утверждали, что капиталисты стремятся увеличить прибыль, соревнуясь друг с другом; те, кто не справляется с этой задачей, выводятся с рынка. Но по мере того как трудосберегающее оборудование замещает работников, растет безработица и падает потребительский спрос. Технология сулит достаток, но продукцию, которую можно будет произвести, не удастся продать, потому что слишком мало людей имеют достаточный доход, чтобы ее купить. Экстраполируя эту основополагающую структурную тенденцию, Маркс и Энгельс предсказали падение капитализма и его замену социализмом.

Почему же этого не случилось за 160 лет, которые прошли с тех пор, как теория была изложена? Как всем хорошо известно, в тех местах, где социалистические режимы пришли к власти, этот переход был вызван не капиталистическим экономическим кризисом, не из-за него же они и пали. Я считаю, это потому, что не случилось окончательного капиталистического краха из-за технологического сдвига. Маркс и Энгельс сосредоточили свое внимание на сдвиге в труде рабочего класса, они не предвидели роста многочисленного среднего класса «белых воротничков», административных и офисных работников, образованных профессионалов. Именно поэтому я теперь заявляю о возвращении кризиса, вызванного технологическим сдвигом. До 1980-х или 1990-х механизация в основном замещала физический труд. Сейчас, на новом витке развития технологий, мы имеем замещение административного персонала, уменьшение среднего класса. Информационные технологии — а это суть технологии коммуникации, запустили вторую великую эру сокращения объемов работы, замещение коммуникативного труда — именно того, чем занимаются работники среднего класса. Механизации теперь сопутствуют роботизация и электронизация — уродливый и неловкий термин в наш словарь скверных терминов для обозначения неоднозначных социальных процессов, определяющих наше будущее в долгосрочном периоде.

В то время как рабочий класс уменьшился из-за механизации, капитализм был спасен ростом среднего класса. Теперь компьютеризация, Интернет и лавина новых электронных устройств начинают выдавливать средний класс. Сможет ли капитализм пережить эту вторую волну технологического сдвига?

В прошлом капитализм преодолел кризисы, вызванные технологическим сдвигом, пятью основными способами. Я покажу, что все пять выходов теперь становятся тупиками.

Выход 1. Новая технология рождает новые рабочие места и целые новые виды занятости. Пессимизм, касательно новых технологий долгое время считался напрасным и ошибочным. Луддиты, которые в 1811 г. ломали машины, лишившие работы ремесленников, не видели того, что их система производства уступала дорогу промышленности, которая могла многократно расширить производство и за столетие увеличить количество фабричных рабочих. Теория развития, изложенная в середине XX в., утверждает, что естественная тенденция—это путь через стадии преобладания первичного, вторичного и третичного секторов экономики, то есть добывающего, обрабатывающего и обслуживающего. Но теория развития была только эмпирическим обобщением для конкретного исторического периода; нет никакой гарантии, что этот процесс будет идти вечно.

Шумпетер, лучший теоретик в области капиталистических инноваций, приводит теорию о том, что новые продукты, следовательно, основные источники доходов, появляются на рынке благодаря складыванию факторов производства в новые комбинации; это всегда приводит к тому, что Шумпетер назвал «созидательным разрушением». Тем не менее экономисты, вдохновленные Шумпетером, слишком полагаются на не более чем экстраполяцию прошлых закономерностей, в соответствии с которыми количество рабочих мест, возникших благодаря новым продуктам, компенсирует рабочие места, потерянные из-за исчезновения старых рынков.

Ни одна из этих теорий не принимает во внимание технологический сдвиг коммуникативного труда—спасительный клапан, который в прошлом приносил новые работы взамен потерянных. Считалось, что когда операторы на телефоне и клерки теряли свои работы из-за автоматизированных и компьютеризированных систем, равное количество людей находило работу в качестве разработчиков программного обеспечения, компьютерных техников и продавцов мобильных телефонов. Но никто не привел ни одного удобоваримого теоретического довода, почему эти числа должны быть равными, почему автоматизация этих видов технических и коммуникативных задач, например виртуальный шопинг, не может уменьшить количество «белых воротничков». Технологический сдвиг в области труда среднего класса все еще на ранней стадии—в целом, он не старше 20 лет; тогда как на уничтожение рабочего класса потребовалось примерно 120 лет. Я не думаю, что разрушение среднего класса займет время, сопоставимое со 120 годами.

Выход 2. Географическое расширение рынков. Мы говорим об этом как о глобализации, хотя глобализация—это только количественная степень, а не качественное отличие в происхождении. Даже в ограниченных государственных границах пространства рынки росли, расширяясь в направлении регионов, в которых некий продукт был изначально неизвестен;

таким образом, условия в регионах благоволили получению доходов для инноваторов, пришедших откуда то ни было. Географическое расширение работает в тандеме с новшествами, поддерживая существование объемов рынка. Динамичные рынки всегда имеют налет новизны и изменений, культурный образ центра или нахождения рядом с ним или отрицательный образ попыток избавиться от отсталости. Либеральная версия этого механизма, в глобальном или межрегиональном масштабе, — это теория модернизации или теория развития; в каждом уголке мира успешно пройдут через три стадии, пока все предположительно не станут полностью развитыми в третичном секторе экономики услуг. Сейчас мы наблюдаем, как это становится реальностью на примере Индии и Китая — больших государств третьего мира, непреклонно идущих к современности.

Неомарксистская версия этого процесса называется теорией мировых систем. Это менее мягкое толкование географического расширения капиталистических рынков; доминирование мирового рынка поддерживается военной мощью и политическими влияниями; центр-гегемон эксплуатирует рабочую силу или сырье из периферии с помощью передаточного ремня полупериферийных регионов. Теория мировых систем усложняет модель, вводя последовательные гегемонии, отмеченные основными войнами и привязанные к длинным волнам Кондратьева относительного роста и стагнаций мировых рынков. Но эта последовательная смена гегемонов — Испания, Голландия, Великобритания, США, предположительно Китай — логически закончится, когда исчезнет периферия и все области на свете выйдут на капиталистический рынок. Больше не существует предохранительного клапана, не осталось регионов для эксплуатации; капиталистический доход иссякает.

Оставляя в стороне конкретные заслуги предсказаний теории мировых систем, момент, на котором я бы хотел акцентировать внимание, это то, что глобализация рынков подрывает занятость среднего класса. Интернет-технологии позволяют «белым воротничкам» из Индии или откуда угодно, конкурировать за рабочие места в сфере обслуживания компьютеризованного бизнеса в главных капиталистических регионах мира. Если раньше работники, составляющие средний класс, были защищены от конкуренции в большей степени, чем работники физического труда, то теперь это не так; Интернет создает куда больший фонд работников, которые могут занять имеющиеся рабочие места, особенно если им не приходится физически перемещаться к отдаленному месту работы. С уверенностью можно сказать, что современная глобализация также подразумевает куда более быстрое перемещение в пространстве. Менеджеры и специалисты переносят свой опыт и навыки ведения переговоров на предпринимательские сайты по всему миру; этот факт, в свою очередь, делает труд высшей прослойки среднего класса более однородным, объединяя его в один рынок труда, что влечет за собой возможность уменьшения затрат на менеджмент и смещения даже технократов высшего звена. Большая однородность ведет к большей конкуренции за рабочие места, подрывая доходы среднего класса. Я еще раз подчеркну, что этот процесс начался относительно недавно; бум выше-

го среднего класса в последние десятилетия теперь становится уязвимым для тех же самых структурных изменений, которые эксперты предрекали их подчиненным.

Раньше международная миграция обеспечивала промышленные центры дешевой рабочей силой, и с недавних пор еще и для низших уровней продвинутой экономики услуг, таким образом подрывая рабочий класс более богатых государств. Сейчас, когда коммуникативные технологии распространяют культурный капитал по земному шару более однородно, подрывается благополучие среднего и высшего среднего класса.

Выход 3. Финансовые метарынки. Если рабочий класс, а затем и средний класс технологически вытесняются с рынка труда, может ли провал быть компенсирован тем, что каждый станет капиталистом? Этот аргумент был выдвинут, когда пенсионные фонды стали играть существенную роль на финансовых рынках и когда фирмы, предоставляющие финансовые услуги, стали расти и агрессивно расширять клиентскую базу. В таких государствах, как США, где широко распространено домовладение, раздувание цен на жилье открыло возможности не только для рассмотрения домовладения как способа спекулятивного вложения, но и для выведения собственности с рынка с раздутыми ценами и перевода в наличные для потребительских расходов. Такие финансовые практики были в числе краткосрочных причин нынешнего экономического кризиса и особенно финансового спада в 2008 г.

Не берусь утверждать, что существующий кризис — это начало конца капитализма. Мы, без сомнения, выйдем из этого кризиса, как и из других кризисов в краткосрочной перспективе, хотя и понесем определенные убытки в будущем. Но современные финансовые манипуляции являются свидетельством более глубокой структурной тенденции капитализма: нагромождения метарынков друг на друга на финансовых рынках. Капитализм, с тех пор как он вошел в фазу самоподдерживаемого роста или бесконечно продолжающегося расширения, объединил рынки товаров и услуг с рынками финансовых инструментов. Шумпетер определил предпринимательский капитализм как предприятие, осуществляемое на заемствованные деньги. Статичные рынки просто воспроизводят существующий ассортимент и рабочую силу, до тех пор пока новые комбинации не возникают из цикла воспроизводства; это делается взаймы за счет будущего. Таким образом, с точки зрения Шумпетера, банки являются главным элементом капиталистической системы, поскольку решают, в какой сфере произойдет перераспределение ресурсов для развития. Но так как финансирование по сути спекулятивно, его соотношение с имеющейся материальной базой может очень сильно варьироваться. Высшие атмосферные слои финансовой системы могут многократно превышать стоимость того, что на самом деле продается и покупается в виде товаров и услуг; мы можем наблюдать это на примере огромных денежных сумм в международной валютной торговле по сравнению с объемами ВВП или чрезвычайно раздутыми суммами хедж-фондов, особенно перед обвалом в 2008 г.

Под нагромождением метарынков я понимаю исторически сложившуюся тенденцию для любого финансового рынка давать рост рынку высшего порядка с помощью финансовых инструментов нижестоящего порядка. Таким образом, специалисты в области финансов могут давать обещания оплатить и так далее до почти любого уровня сложности. Займы, права удержания, акции, облигации — это все сравнительно низкий уровень нагромождения. Краткосрочные продажи акций, объединение залогов на вторичном рынке, выкупы компаний с использованием кредита, фонды взаимопомощи, хедж-фонды и другие сложные трейдерские схемы являются рынком высшего порядка по отношению к инструментам обмена. Новая причуда — так называемые индексные фонды (ETFs, exchange traded funds), расхваленные *Financial Times* от 1 июня 2009 г.: «Кредитные и инверсные индексные фонды, которые, по заверениям, должны приносить доход в двукратном или даже трехкратном объеме по сравнению с основными индексами или во много раз превышающий инверсный показатель... сейчас составляют 40% объема фондового рынка США. Но многие из этих индексных фондов успешно не справляются с тем, чтобы приносить ожидаемый доход, если держатся дольше очень короткого периода — обычно более чем один день для обеспеченных имуществом ценных бумаг». В принципе, нет предела количеству уровней, которые могут быть добавлены. Очень большие суммы могут генерироваться на высших уровнях, хотя конвертация этих денег в товары и услуги затруднительна. Такая иллюзия создается из-за того, что все они измеряются в одних и тех же единицах — долларах, фунтах, евро; но номинальное количество денег может достигать таких объемов, что их выброс в реальный, материальный мир практически невозможен.

Финансовые рынки, созданные на основе друг друга, с высокой степенью уверенности можно назвать социальным конструктом. Конечно, почти все в какой-то мере является порождением общества, но некоторые понятия привязаны к материальным объектам гораздо меньше, чем другие. Армия, например, в большей степени социальный конструкт, особенно в бою, где, как говорил Наполеон, мораль относится к физическому, как три к одному; тем не менее армия, превосходящая своего оппонента в пять раз по вооружению и числу, почти наверняка одержит победу, даже если имеет минимальную степень сплоченности. В мире финансовых инструментов, происходящих друг из друга, мораль, то есть процесс взаимодействия сети и ее настроений, относится к реальной экономике, как примерно 6 к 1 (что соответствует соотношению между выданными ссудами и реальными объемами банковских депозитов), а возможно, и как отношение сотен тысяч к одному в сфере кредитных финансовых манипуляций. Как социологи мы должны рассматривать социальные конструкты не в качестве философских констант, а как набор переменных, которые могут изучаться наукой и в их статичном отношении к сетевым структурам, и во времени, в их динамике резких подъемов и провалов.

Мой главный аргумент по данному вопросу заключается в том, что чем более сложно построены друг на друге финансовые метарынки, тем они более волатильны и подвержены кризисным явлениям с сопутствующими

взлетами и падениями, во много раз превосходящими по интенсивности те, что происходят в реальном секторе экономики. Но есть и положительная сторона, положительная, если вы стремитесь сохранить капитализм. Финансовые рынки по своей природе эластичны, как огромные воздушные шары, сделанные из чудесного материала, который может сколь угодно растягиваться. Это придает правдоподобие той идее, что каждый может стать финансовым капиталистом и серьезно играть на финансовых рынках. И действительно, массовое участие в функционировании финансовых рынков существенно возросло в конце XX — начале XXI в. благодаря пенсионным фондам, миллионам малых акционеров-инвесторов и домовладельцев, спекулировавших закладными по схеме Понци на инфляционном рынке жилья.

Как далеко это может зайти? Может ли это спасти капитализм? Есть как минимум три препятствия: первое — неизбежная волатильность финансовых рынков, их предрасположенность ко взлетам и падениям. Так исторически сложилось со времен инвестиционной истерии в 1637-м (голландские тюльпаны) и Пузыря южных морей в 1720-м. Спекулятивные коллапсы случались настолько часто, что Шумпетер считал циклы чертой, заложенной в природе капитализма, а их наличие — историческим доказательством существования самостоятельной капиталистической динамики. Можно истолковать исторический факт и по-другому: спекулятивные подъемы всегда оканчивались спуском на дно, но, в конце концов, финансовые рынки снова шли вверх. Финансовые кризисы в природе капиталистического чудовища, и исторические свидетельства показывают, что мы всегда оправимся от любого финансового кризиса. Здесь мы снова имеем эмпирическое обобщение без достойного теоретического обоснования. Что будет, когда финансовый кризис случится вкупе со структурным уменьшением рабочих мест для среднего класса — кризисом технологического замещения, который затронет почти всю рабочую силу? Смогут ли доходы финансового сектора вырасти настолько, что смогут заменить жалование и заработную плату как основные источники дохода для большинства?

Здесь возможны два варианта: либо все станут капиталистами, живущими на доходы от инвестиций, или же финансовый сектор станет главным работодателем — увеличится количество работников финансовой сферы. Если рассматривать первый вариант, то довольно трудно представить себе будущее, в котором каждый живет будучи финансовым инвестором. Необходимо первоначальное накопление капитала для создания финансовых ресурсов с целью осуществления инвестиций — игорные фишки, чтобы войти в игру. Малые инвесторы начинают со своих зарплат, сбережений и пенсий; но это как раз те денежные источники, которые иссякнут из-за технологического сдвига. Тут мы находимся на пределе теоретических знаний, и будущее политэкономии может содержать вещи, «друг Горацио, что и не снились нашим мудрецам»; но может ли нас убедить то, что в будущем, когда все будет автоматизировано, целые нации будут проживать свои жизни в роли финансовых инвесторов, как армия азартных игроков в казино длиною в жизнь? Не всем удастся зарабатывать деньги на поприще инвестора; многие люди теряют свои вложе-

ния даже в хорошие времена, а во время спекулятивного спада это случается со многими. И, единожды вымытые со спекулятивного рынка, вернутся ли они обратно, отвергая возможность другого плодотворного трудоустройства?

Более того, финансовые рынки по своей природе не являются уравнительными и концентрируют богатство в руках небольшого числа крупных игроков на вершине пирамиды. Лучшая работа информационных сетей, взгляд изнутри, преимущество первого хода, способность лучше переживать колебания по сравнению с мелкими игроками — это все то, что позволяет участникам высших метарынков получать доход за счет средних и мелких игроков на рынках низшего порядка. Пирамидальная денежная структура иллюстрирует теорию Вивианы Зелицер (Viviana Zelizer) о том, что деньги не однородны, а множественны и представляют собой разные наборы конкретных валют, обращающихся в их собственных социальных сетях. Например, игроки на поле хедж-фондов — очень ограниченная по количеству участников группа людей и организаций; малым игрокам даже законодательно запрещено входить на эти рынки. Возможно, это сейчас не по делу — в идиллической финансовой утопии будущего основные инвесторы станут мегабогатыми, но мелкие инвесторы тоже получат свою долю. Будет ли этого достаточно для того, чтобы поддерживать потребительский спрос в масштабах всей экономики и, таким образом, поддерживать машину капитализма на ходу? Есть подозрения, что будут запущены процессы по Марксу, такие как стремление финансовых рынков к большей концентрации, что пустит мелких участников ко дну. Пока мы не знаем, как это подтвердить; но этот факт заслуживает самого тщательного рассмотрения.

Другой недостаток: ожидается, что технологическое замещение может вторгнуться и на территорию занятости в финансовом секторе. Как я уже говорил, описывая оптимистичный сценарий капиталистического развития, финансовый рынок может поддержать средний класс (в противном случае исчезающий) либо сделав всех капиталистами, либо сделав всех работниками финансового сектора. Похоже ли последнее на правду? Когда вся другая работа будет технологически вытеснена, восполнит ли работа в области финансов провал? Но почему технологический сдвиг не может произойти в самом финансовом секторе? Мы наблюдали подобное, но в меньшем масштабе, когда интернет-банкинг сделал ненужными ряд банковских служащих и клерков, а банки урезали штат, хотя стали использовать более широкий инструментарий. Мантра, которую повторяют экономисты капитализма, заключается в том, что неквалифицированный труд замещается более умелым и профессиональным. Но на сколько может увеличиться количество финансовых профессионалов? Временный рост их числа, который наблюдался в 1990-х, может оказаться лишь проходным этапом; и в любом случае трудно представить, что в автоматизированном будущем большинство работников будет работать менеджерами в хедж-фондах. Хотя, может быть, это лучшее будущее нашей мечты, которое может предложить капитализм: никто не будет трудиться на реальном производстве, все будут жить как финансовые операторы. Может быть, мы вступим в эту фазу разви-

тия когда-нибудь позже в XXI в.; если так, то я предскажу, что это будет заход на последний крах капитализма.

Выход 4. Государственные инвестиции и госслужба, кейнсианский путь национального благосостояния. Теперь мы перейдем к путям спасения, которые не свойственны самому капитализму, а суть спасение извне. 50 лет назад широко обсуждалось то, что капитализм был спасен процветающими странами в 1930-х, 1940-х и 1950-х — либеральные «левые» спасали капитализм, в то время как «правые» показали неспособность спасти самих себя. Могут ли государственные расходы решить проблему вытеснения среднего класса?

Основная форма прямого государственного найма среднего класса — административная работа; таким образом, любая дальнейшая автоматизация и компьютеризация таких работ будет препятствовать и занятости в государственном секторе. Достаточно жесткий политический режим мог бы противостоять этому через отказ от автоматизации рабочих мест; тем не менее такая неолуддитская политика, вероятно, повлечет сатирическое порицание (чтобы понять, о чем идет речь, посмотрите фильм Питера Селлера (Peter Sellers) 1959 г. «*I'm All Right Jack*» о британских профсоюзах на пике их силы). Оставаться на задворках технологического развития ради поддержания занятости, вероятно, было бы деморализующим и политически нежизнеспособным. Другой вариант, который в прошлом сработал, — это «военное кейнсианство» — формирование занятости за счет вооруженных сил наряду со стимулированием экономики через военное производство. Но современные вооруженные силы стали высокотехнологичными, они трансформируются в небольшие боевые подразделения, координируемые компьютерами, спутниками, авиасенсорами, приборами наблюдения и системами наведения. Вооруженные силы находятся на передовом краю роботизации, и сомнительно, чтобы даже в случае мировой войны и всеобщей мобилизации были созданы столь масштабные военные подразделения, виденные в XX в.

Кроме прямого государственного найма, существуют и государственные расходы — любимый инструмент из числа мер стимулирования. Большая их часть — это вложения в материальную инфраструктуру: дороги, мосты, аэропорты, энергетика и так называемый информационный хайвей (информационная магистраль). Но эти области тоже подпадают под компьютеризацию и автоматизацию, следуя тренду технологического сдвига. Еще менее вероятно, что государственные инвестиции в частный сектор сумеют сдержать волну технологического замещения рабочих мест. Желая осуществлять эти вложения эффективно, государство берет на себя роль капиталиста или по меньшей мере капиталистического зрителя, также желающего урезать затраты на персонал, то есть сократить занятость.

Другой способ вмешательства в действие рыночного механизма — регулирование частного рынка, установление более короткой рабочей недели, защита работающих от сокращений. Такая политика широко использовалась Континентальными штатами, но достигла немногим более, чем замедление шествия технологического сдвига. В целом, такая политика направ-

лена на защиту существующих рабочих мест, но сдерживает молодежь. Эта проблема может быть решена путем сознательного массового найма молодежи государством; такие попытки редко предпринимались (если не считать военного пути), хотя в «Выходе 5» я выдвину предположение, что это делалось скрыто благодаря обесцениванию дипломов об образовании.

В принципе, политическая стратегия может подразумевать все что угодно, будучи ограниченной лишь политической волей, которая, так сказать, есть мобилизованная политическая власть, и ее видением, определяемым политической культурой. Очевидно, что политические культуры «могут отдыхать в стороне» в случае, если государство собирается серьезно подойти к решению проблемы технологического вытеснения среднего класса. Я не утверждаю, что смешанные либеральные линии поведения государства, поддерживающие частный сектор, не смогут спасти капитализм от прихрамывания на большей части пути в будущее. Но комбинированный подход вряд ли решит проблему технологического замещения в долгосрочном периоде, пока экономикой движет стремление к получению прибыли.

Выход 5. Обесценивание дипломов об образовании и прочее скрытое кейнсианство. Обесценивание дипломов — это повышение образовательных требований для приема на работу по мере того, как большее количество населения достигает более высоких научных степеней. Ценность выданных сертификатов и дипломов уменьшается обратно пропорционально росту количества их обладателей. В США до Второй мировой войны дипломы об окончании высшей школы (то есть 12 лет средней школы) встречались относительно редко; теперь они настолько распространены, что их ценность при поиске работы ничтожна. 60% когорты молодых посещают университеты, что приведет дипломы к той же судьбе, что и у аттестата о среднем образовании. Главное, для чего годятся обесцененные ученые степени, — так это выбросить их обратно на рынок для получения все более высоких степеней. Вообще, это бесконечный процесс; вполне возможно, что дойдет до ситуации, которая наблюдалась в Китае в классе мандаринов последних династий, когда студенты продолжали сдавать экзамены в свои 30–40 лет, только теперь это коснется абсолютного большинства населения, а не только элиты. Разные страны переживают инфляцию образования в разных масштабах, но со второй половины XX в. все они идут по этому пути.

Ученые степени — это тип валюты, измеряющей респектабельность, обмениваемой на доступ к рабочим местам; как и любая валюта, она увеличивает цены (или уменьшает покупательную способность), когда самостоятельно увеличивается денежное предложение при ограниченном наборе товаров, в данном случае при уменьшающемся количестве рабочих мест для среднего класса. Образовательная инфляция порождает сама себя; с точки зрения единичного соискателя степени, лучшим ответом на его уменьшающуюся ценность будет получение дополнительного образования. Хотя это и основной механизм образовательной экспансии, он поддерживается господствующей технократической идеологией. Это значит, что повышающие-

ся технические требования к работе вытесняют неквалифицированный труд и нынешние высокопрофессиональные должности требуют стабильно растущего уровня образования. Тридцать лет назад в своей книге *«The Credential Society»* (Collins, 1979) я собрал свидетельства того, что технологические изменения не являются движущей силой повышающихся требований к дипломам. Содержание образования определяется преимущественно не технологическими требованиями; большая часть технических навыков, включая даже самые сложные, приобретаются на работе или через информационные сети, а бюрократическая организация образования в лучшем случае старается стандартизировать навыки, освоенные где-то еще. В обновленном исследовании инфляции образования в отношении технологических изменений я не увидел ничего такого, что бы опровергло мои заключения, опубликованные в 1979 г. То, что небольшой процент работ выигрывает от научно-технического образования, — это правда, но это не то, что движет массовым распространением образования. Невероятно, чтобы в будущем большая часть людей станет учеными или квалифицированными техниками. Несомненно, самый большой рост количества рабочих мест в богатых странах произошел за счет низкоквалифицированных рабочих в сервисной сфере, где дешевле нанимать людей, чем заниматься автоматизацией.

Хоть теория образования развивается на ложных предпосылках: вера в то, что больше образования приведет к большему равенству возможностей, более техническому функционированию экономики и большему числу хороших работ, предлагает решение проблемы технологического замещения среднего класса. Такое возможно благодаря исключению большого количества людей из числа работающих; если студенты получают финансовые субсидии, либо прямо, либо через кредиты с низким (почти нулевым) процентом, получается, что это скрытые трансфертные платежи. В местах, где идея социального государства непопулярна, мифология образования поддерживает скрытое социальное государство. Добавьте сюда миллионы учителей и административных работников начального, среднего и высшего образования; скрытое кейнсианство образовательной инфляции сможет буквально держать капиталистическую экономику на плаву. Существует, конечно, опасность технологизации образования: замена учителей компьютерами; если это произойдет, едва ли образование станет спасением от технологического замещения. Является ли продолжающееся распространение образования вероятным путем кейнсианского способа решения проблемы технологического сдвига?

Образование — одна из основных статей расходов государства, и оно пытается ограничить дальнейшую экспансию. При высоких затратах есть соблазн приватизации, переноса бремени финансирования на студентов или их родителей; но тут тоже есть предел, так как средний класс экономически зажимается. Расширяющаяся система образования, ведомая обесцениванием дипломов, достигнет потенциальной точки кипения внутри самой образовательной системы. Это не обязательно означает конец. Можно вообразить несколько таких стадий остановки и возобновления,

по мере того как наша светская вера в спасение через образование пройдет через стадии лишения иллюзий и возрождения.

Это повлияет на нас самих — университетских преподавателей. Даже несмотря на то, что система образования основана на ложных суждениях, я не хочу публиковать свою критику инфляции образования, так как от нее зависит работа большинства моих коллег. После завершения книги в 1979 г. я, собственно, ушел из университета и стал постоянно писать; но преподавание более прибыльно — и теперь я вернулся. Все должно откуда-то черпать ресурсы, то же касается и существования социологии. Ирония заключается в том, что социология изобличает ложные исходные положения, которые идеологически обеспечивают ее материальную базу. Стало бы политическое большинство поддерживать образование, если бы оно не имело утопических представлений о нем? Возможно, в одно из этих десятилетий мы это увидим.

Наконец, развязка. Куда это все ведет? Я делал акцент на том, что это не теория революции, но теория кризиса. Если кризис технологического сдвига зайдет слишком далеко, произойдет ли революция в автоматизированном и компьютеризированном мире, в котором очень мало людей работают, а большая часть населения безработна или конкурирует за низкооплачиваемые работы в сфере обслуживания?

Оставим в стороне теорию экономического кризиса и рассмотрим теорию революции. С 1970-х гг. в теории революций произошла революция. Тед Скочпол, Джек Голдстоун, Чарльз Тилли, Майкл Манн (Theda Skocpol, Jack Goldstone, Charles Tilly, Michael Mann) и другие в своих сравнительных исследованиях о взлетах и падениях политических режимов придумали то, что можно назвать теорией революционного крушения государств. Успешные революции начинаются сверху, а не с недовольного и нищего многочисленного низа. Основные ингредиенты: во-первых, фискальный кризис в государстве — государство оказывается неспособно платить по счетам, а самое главное — оплачивать расходы на силы безопасности: свои вооруженные силы и полицию. Финансовый кризис становится смертельным, когда он смешан со вторым ингредиентом: раздором в элитах по поводу того, как с ним справиться. Мы можем добавить сюда и второстепенные факторы, необязательно военного происхождения, заглянув назад в прошлое, но государственный фискальный кризис часто случается из-за накопившихся расходов на вооруженные силы; безвыходное положение элиты особенно обостряется военным поражением, которое делегитимизирует правительство и провоцирует призывы к решительным реформам. Расколы в элите парализуют государство и открывают путь новым коалициям, ставящим радикальными цели. В этом «вакууме власти» — то, что теоретики общественных движений теперь называют «структурой политических возможностей» — успешно мобилизуются общественные движения. Это часто случается под прикрытием жалоб «со дна», но обычно такие радикальные действия осуществляются фракциями из высшего среднего класса с лучшими коммуникационными сетями и организационными ресурсами. Как давным-давно заметил Токвиль, радикальность движения не коррелирует со степенью обни-

щения; то, что на самом деле определяет степень радикализма, находится скорее в поле идеологической и эмоциональной динамики взрывающегося конфликта, хотя как перенести это в теоретическое поле, пока неизвестно.

Повторюсь: практически все известные до сегодняшнего дня революции произошли не из-за экономического кризиса капиталистических рынков, а от государственного упадка; фискальный кризис заключен в самом государственном бюджете, но он обычно не зависит от основного кризиса в экономике. Это означает, что революции могут случаться и в будущем через механизмы государственного упадка, государственного фискального кризиса, тупика в деятельности элиты и обеспечивать тем самым паралич государственного аппарата принуждения. Государственные кризисы случаются чаще, чем полномасштабные экономические кризисы. Что получится, если мы посмотрим на это в контексте долгосрочного тренда технологического замещения рабочей силы? Возможно несколько вариантов: революции могут случаться в тех или иных странах, необязательно в тех, где наиболее заметен технологический сдвиг. Или могут случаться революции, не принимающие во внимание политику разрешения проблем, связанных с технологическим сдвигом. Но также могут случаться революции, носящие ярко выраженный антикапиталистический характер.

Так как история развивается благодаря множеству причин, будущее похоже на выкидывание множества игральных костей, как в китайской игре Yahtzee, в ожидании, скажем, что на всех пяти костях одновременно выпадут шестерки. Таким образом, мы когда-нибудь можем получить антикапиталистическую революцию, которая была бы результатом сочетания государственного упадка, возможно, поражения в войне, плюс вездесущего технологического смещения.

Возможная альтернатива: технологическое смещение может стать настолько очевидным и трудноизлечимым, что некая политическая партия может получить власть на выборах, представив антикапиталистическую программу. Я не уверен в том, как оценить вероятность такого события; возможно, она меньше, чем вероятность выкинуть сразу все шестерки.

Станет ли антикапиталистическая революция концом истории? Конечно, нет. Она не уничтожит политику. Даже если она будет социалистической, она вряд ли положит конец экономическому неравенству. Прошлый опыт социалистических режимов показывает, что им удалось снизить уровень экономического неравенства примерно на половину — сравните индекс Джини в социалистических и капиталистических обществах и разительное увеличение неравенства после распада СССР.

Сделает ли антикапиталистическая революция людей счастливыми? Дюркгейм утверждал, что уровень счастья в человеческой истории всегда примерно одинаков; новые обстоятельства создают новые желания и новые поводы для сравнения. В любом случае конфликт, судя по всему, заложен в природе человеческой организации. Нам удалось узнать из истории социалистических режимов в XX в., что в них тоже есть свои участки напряжения и что нам не следует ожидать от них слишком многого. Главным образом

их заслуга состоит в том, что они не являются капиталистическими и могут избежать капиталистических кризисов.

Я даже не рискнул бы предположить, что антикапиталистические режимы будут постоянными. Вполне возможно, что они сами будут меняться либо путем выборов, либо будущих революций через 50 или 100 лет. Я не вижу каких-то основополагающих причин, по которым социалистические режимы могли бы быть более стабильными, чем капиталистические; как говорил Макс Вебер, все организации государственной власти стремятся к престижу власти, когда существуют такие возможности на мировой арене; и путь к революции через расходы на вооруженные силы может снова повториться—фактически это то, что привело СССР к концу (Collins, 1999). Задолго до конца истории будущие века покажут нам серию колебаний между капитализмом и социализмом, а возможно, и еще между другими непредвиденными формами.

При возвращении к нашему наиболее неотвратимому кризису (траектории движения к технологическому замещению среднего класса) возникает вопрос: через какое время это случится? Я не думаю, что полномасштабный кризис наступит в ближайшие 20 лет; но наши потомки должны будут испытать удивление, если он не случится ко второй половине XXI в.

Существует, конечно, масса других процессов и проблем, которые усложнят будущее: экологический кризис, старение наций, колоссальный рост расходов на здравоохранение, гигантские межконтинентальные миграции, этнические и религиозные конфликты и вспышки насилия, возможно, новые конфликты полов и сексуальных предпочтений. Сфокусируемся на главном: как все вышеперечисленное повлияет на кризис технологического замещения? Что-то из этого будет обострять его; что-то подтолкнет к государственному упадку и таким образом повысит вероятность совершения революции—выбрасывания нескольких шестерок на игральных костях. Обратит ли что-то из этого технологическое замещение вспять, повысив занятость среднего класса и создав новые рабочие места, потеснив автоматизацию и компьютеризацию? Возможно, это удастся, но до какой степени? Я не вижу хорошо изложенной теории, на самом деле даже более или менее хорошо обоснованной теории, доказывающей, что мы избежим кризиса, вызванного технологическим сдвигом, маячащего где-то в этом столетии.

Я могу ошибаться. Поверьте, я не желаю кризиса такого масштаба, только чтобы подтвердить правоту Маркса. Вышеизложенное собрано из того, что социологи узнали за столетие нашего существования как научной дисциплины. Я уверен, что основная альтернативная теория, технократическая утопия, неверна; она исходит из предыстории социологии, мечты Сен-Симона из 1820-х. Наследие Маркса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля, а также их продолжателей (Скочпола, Тилли, Манна и многих других) дало нам гораздо более острый, реалистичный взгляд на мир. Ясно, что мы увидели недостаточно. Но нам есть от чего отталкиваться; следующие поколения социологов должны потрудиться, и мы будем видеть лучше, чем раньше.